

ЛЮБИЩЕВ ПРОТИВ ЛЫСЕНКОВЩИНЫ: ИСТОРИЯ И УРОКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Письма. Документы

Период господства лысенковщины в биологии поставил своего рода «грандиозный эксперимент по социальной психологии, подлежащий серьезному изучению». Так спустя много лет после 1948 г. писал известный биолог В. Я. Александров, с достоинством выдержавший смертоносный шквал.¹ Эксперимент выявил пределы прочности моральных устоев людей и поведение научного сообщества в условиях жестокого стресса. Несогласие с официально утвержденными установками «мичуринской биологии» расценивалось как недопустимая политическая оппозиция или враждебная акция.

Среди биологов-членов партии, пожалуй, только один ученый, генетик И. А. Рапопорт, предпочел сдать партбилет, нежели отказаться от своих убеждений. После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. даже молчаливое несогласие, «свобода молчания» стали предосудительны и наказуемы. Лицемерно провозглашенная Сталиным и Ждановым борьба мнений в науке на деле означала борьбу утвержденного партийным аппаратом мнения со всеми прочими. Тем более должно быть оценено мужество тех биологов, кто не только противостоял лысенковщине, но и решился на ее открытый критический анализ. Три исследователя должны быть названы прежде всего: В. П. Эфроимсон, Ж. А. Медведев и А. А. Любищев.

В. П. Эфроимсон в 1947 г. перевел и пропагандировал среди харьковских биологов и студентов университета уничтожающий отзыв главы эволюционных генетиков США Ф. Добржанского на книгу Лысенко. Комиссия Минвуза во главе с А. В. Топчиевым (будущий главный ученый секретарь Академии наук СССР в 1950—1959 гг. и вице-президент АН СССР в 1960—1963 гг.) уволила из университета доцента В. П. Эфроимсона «за поступки, порочащие высокое звание преподавателя высшей школы». Его докторская диссертация, успешно защищенная и утвержденная в ВАКе в 1947 г., была законсервирована на 15 лет (звание доктора наук присуждено было лишь в 1962 г.). Изгнанный с работы В. П. Эфроимсон пишет и посылает в ЦК КПСС докладную записку на 200 с. об ущербе, наносимом биологии и сельскому хозяйству (развал семеноводства, селекции и т. д.) монополией Лысенко. В 1949 г. следует арест — концлагерь в Казахстане влито до 1955 г. В 1956—1958 гг. В. П. Эфроимсон публикует несколько антилысенковских работ в Бюллетене МОИП, а его основную критический труд начал публиковаться лишь в 1989 г.²

Ж. А. Медведев в 1961—1962 гг. пишет первую часть «Истории биологической дискуссии в СССР» (дополнения в 1963—1964 и 1966—1967 гг.). Эта работа широко распространилась среди биологов по типу «самиздата», но, несмотря на падение Лысенко в 1965 г., так и не смогла увидеть свет в СССР. Лишь в 1989 г. был опубликован небольшой фрагмент из нее.³

Совершенно исключительное место в истории борьбы с лысенковщиной занимает научно-публицистическая деятельность А. А. Любищева (1890—1972). Он начал свою борьбу летом 1953 г. и вел ее по существу до смерти в 1972 г. Любищев относится к блестящей плеяде русских биологов, становление которых пришлось на начало XX в. Его главные интересы лежали в области теории эволюции, систематики и морфологии, методологии применения математики в биологии.⁴ В архиве ученого есть десятки работ по философии и истории науки и культуры.⁵ Готовятся к печати его большие работы: «Линия Платона и Демокрита в истории культуры», «Наука и религия», «Философия и наука», «Уроки истории науки». Отвечая на поздравление с 70-летием, Любищев писал в ответном письме своему старинному другу П. Г. Светлову: «Искание истины заполнило всю мою сознательную жизнь. Это искание нисколько не уменьшилось в интенсивности с возрастом, я сейчас ревизую многие свои воззрения, которые были достаточно тверды у меня в течение десятилетий». И далее: «Сейчас я потратил много времени и труда на знакомство с Галилеем и Коперником, с Ньютоном я раньше был несколько знаком. Остались еще Кеплер и Бруно. В первой половине 1962 года надеюсь кончить астрономию, может быть, теоретическую механику, потом будут физические проблемы, и в 1963 году надеюсь приступить к биологии, что займет, конечно, 2—3 года, а затем 2—3 года должно занять значение философии в этике, эстетике, религии, социологии и полити-

ке».⁶ И вот, несмотря на такую сверхзадачу, поставленную еще в молодости, Любищев считал своим долгом как ученый и гражданин возвысить голос против монополии, установленной в биологии Лысенко и его сторонниками. В этом выборе были и мужество, и драматизм.

Привожу отрывок из письма Любищева к Ж. А. Медведеву от 31.08.1964 г., где перечислены написанные к тому времени критические статьи: «Большое Вам спасибо за книгу. Я ее еще не успел просмотреть (так как это относится к более позднему моему плану), но с величайшим удовольствием прочел, будучи в Ленинграде, фотокопию Вашей книги „Биологическая наука и культ личности“ (Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии) — более 400 машинописных страниц. Эта вторая редакция — большой шаг по сравнению с первой. Вещь, конечно, превосходная и по эрудиции, и по документальности, и по ясности и последовательности изложения. Но что для меня всего удивительнее? И я написал о том же предмете около 800 страниц. Вы в основном писали независимо от меня. Общая оценка совершенно совпадает, но мы почти не повторяем друг друга, разбирая в общем разные стороны одно и того же весьма скабрёзного явления (есть еще поэтическая сторона того же вопроса в поэме «Космонавт»⁷ — великолепная вещь, знакома ли она Вам?). У Вас гораздо шире в смысле охвата разнообразных сторон биологии, очень много и основательно — чисто юридическая сторона и этический аспект. У меня эти последние стороны затронуты вскользь, но зато есть и критика Мичурина, и изложение вопросов так называемого вейсманизма-морганизма, которых у Вас нет».

После ряда замечаний и комментариев к этому дополненному варианту книги Ж. Медведа Любищев пишет: «Вы ссылаетесь на мои писания по поводу Лысенко, не указывая, какие Вы читали. Сообщу Вам полный список моих непечатных произведений по этому поводу, так как и некоторым другим моим друзьям этот список может быть интересен. Я убедился, что как основная „монография“, так и более поздние работы переписываются.

А. Основная работа «О монополии Лысенко в биологии»

Глава 1. Практические предложения Лысенко и его школы. Октябрь 1953 г.; 70 с.

Глава 2. О вейсманизме-менделизме-морганизме. Сентябрь 1954 г.; 95 с.

Глава 3. Наследство Мичурина и Вильямса. Апрель 1955 г.; 137 с.

Глава 4. (Не окончена). Теоретические взгляды Лысенко. Январь 1956 г.; 95 с.

Завершающая «Что стоит Лысенко». Январь 1958 г.; 119 с.

Всего [по разделу А]: 516 с.

Б. Дополнительные статьи по лысенковщине

1. Об аракчеевском режиме в биологии (первый набросок). Июль 1953 г.; 23 с.

2. Письма в редакцию газеты «Ульяновская правда». Апрель 1954 г.; 17 с.

3. В редакцию «Литературной газеты». Апрель 1954 г.; 7 с.

4. Письмо Н. С. Хрущеву. 3 мая 1954 г.; 5 с.

5. Письмо в редакцию «Литературной газеты». 7 июня 1954 г.; 6 с.

6. О науке и писателях (в «Литературную газету»). 7 ноября 1954 г.; 9 с.

7. Открытое письмо А. Е. Корнейчуку. Февраль 1955 г.; 38 с.

8. Новое в учении о биологическом виде. По поводу статьи Г. Фиша «Живые звенья» в журн. «Звезда». 10 декабря 1955 г.; 49 с.

9. Письмо в ред. «Лит. газеты» (По поводу ст. Р. Агишева «Живое дыхание» и др.). 13 декабря 1955 г.; 8 с.

10. О некоторых актуальных вопросах сельского хозяйства (письмо одному инструктору ЦК). 12 января 1956 г.; 50 с.

11. Несколько замечаний по методике опытного дела (было заказано «Ботаническим журналом»). 12 мая 1956 г.; 62 с.

12. Письмо министру сельского хозяйства Мацкевичу. 27 августа 1956 г.; 3 с.

13. Философы из «Литературной газеты» (письмо в «Литературную газету»). 6 февраля 1957 г.; 22 с.

14. Два письма В. Овечкину. Апрель, июнь 1957 г.; 12 с.

15. Письмо И. Г. Эренбургу. 20 марта 1957 г.; 24 с.

16. Смесь фальсификации, клеветы и невежества — чтение для школьников (по поводу книги А. Елагина «Цель жизни»). 11 октября 1957 г.; 22 с.

17. Письмо Каирову, Натали, Компаниец и Максимовой по поводу предыдущей статьи. Февраль 1958 г.; 12 с.

18. О фальсификаторах и банкротях в науке (об Ольшанском). 19 сентября 1963 г.; 17 с.

19. О плодородии земли. Открытое письмо акад. Е. Варга. Ноябрь 1963 г.; 48 с.

Всего по разделу Б: 434 с.

В. Статьи, косвенно связанные со спорами в биологии

1. Закон гомологических рядов Н. И. Вавилова и его значение в биологии. 20 февраля 1957 г.; 11 с.

2. Понятие и формы селекции. 19 февраля 1957 г.; 31 с.

3. Философия и наука. 17 марта 1958 г.; 54 с.

4. Обзор изложений витализма. 14 июля 1958 г.; 23 с.
5. О планировании наук, в частности биологии. 30 августа 1959 г.; 14 с.
6. О полезной и бесполезной биологии. 20 декабря 1959 г.; 14 с.

Всего по разделу В: 157 с.

А всего по трем разделам: 1107 с.

Ни одна из этих работ не была напечатана, хотя статья «Несколько замечаний по методике опытного дела» была заказана редакцией «Ботанического журнала», одобрена, но потом отвергнута как неподходящая «по профилю»; после долгой переписки с журналом и сокращения по указанию редакции замолчали. Та же история случилась со статьями В. 1 и В. 2 (для сборника в честь Н. И. Вавилова) и В. 6 («О полезной и бесполезной биологии»). Последняя статья была заказана, одобрена, два раза переделана по указанию редакции, а потом редакция замолчала. Получается как в известном анекдоте, что один завидный жених, долго ухаживающий за девицей, просил посмотреть ее в натуральном виде ввиду возможности скрытых пороков, а когда увидел, сказал, что ему не нравится форма ее носа. Такой анекдот типичен для советских редакций».

Письмо Любищева заканчивается типичной горьковатой шуткой, ведь за 10 лет ничто из написанного по поводу положения в биологии не смогло пробиться в печать. Но и после падения Лысенко Любищев «не убирает ладони со лба». Он пишет две большие научно-публицистические работы — «О положении в биологии и агрономии» (апрель 1965 г., 70 с.) и «О двух статьях по генетике» (май, 1965 г., 53 с.), в которых критикует упрощенный подход «победителей» к истории генетики.

Даже обзор названий статей показывает, что ученый вступил на путь противостояния лысенковщине на всех уровнях административной системы: 1) верхние этажи власти и руководства наукой; 2) информационные каналы, по которым распространяется дезинформация — печать, книги; 3) личные обращения-воззвания в форме открытых писем к авторитетам в культурном и научном сообществе — известным писателям и деятелям науки.

А помимо этого, Любищев, будучи «провинциальным профессором» в Ульяновске в последний период своей жизни, находился в активном эпистолярном контакте (и был знаком лично) со многими биологами, математиками, физиками, гуманитариями. Среди известных биологов, его адресатов, В. В. Алпатов, Г. Я. Бей-Биенко, В. Н. Беклемишев, Р. Л. Берг, Н. Н. Воронцов, С. М. Гершензон, М. С. Гиляров, А. Г. Гурвич, Б. С. Кузин, Ю. А. Орлов, П. Г. Светлов, Е. С. Смирнов, П. В. Терентьев, Н. Г. Холодный, А. А. Штакельберг, И. И. Шмальгаузен, В. А. Энгельгардт, В. П. Эфроимсон, А. В. Яблоков; среди математиков и физиков это прежде всего А. А. Япунов, И. Е. Тамм, В. Я. Френкель; среди гуманитариев Н. Я. Мандельштам (с которой судьба свела его в 50-е годы в Ульяновске), историки И. Д. Амусин и Л. М. Глускина, писатель Г. А. Велле (переводчик А. Сент-Экзюпери). Письма ко многим из адресатов — это порой целые статьи или трактаты, многие из которых прямо касаются борьбы Любищева с лысенковщиной.

Почти все статьи и письма А. А. в защиту науки оказались неопубликованными. И в этом смысле режим хоронил Любищева, как и многих других деятелей науки и культуры. Но все же его грандиозная работа по очистке авгиевых конюшен биологии не прошла бесследно. Об этом можно судить хотя бы по опубликованной переписке Любищева с инструктором ЦК КПСС по сельскому хозяйству В. П. Орловым.⁸ Реакция на нижних и верхних этажах власти была разной. Нижний этаж — Ульяновский обком партии и «советское духовенство» в облике местной прессы и руководителей вузов — начал подлинную травлю старого профессора. А в ЦК КПСС Любищев неожиданно встретил вежливый внешне прием и готовность получить и в дальнейшем информацию. Переписка с В. П. Орловым, которому А. А. посылал свои основные работы жанра «лысенкианы», показывает общую картину управления наукой в идеологизированном государстве. В. П. Орлов — несомненно честный человек, озабоченный судьбой государства, но в то же время жертва догмата, что партия — это наука. В ответ Любищев писал ему, что партия существует всего несколько десятков лет и ее задачи ограничиваются построением нового общественного строя. А наука существует уже несколько тысяч лет и будет развиваться и дальше: «Я к партии сыновних чувств не питаю, хотя был момент во время гражданской войны, когда я чуть-чуть не вступил в партию. Я питаю сыновние чувства к более длительным организациям: России, общечеловеческой культуре и всему человечеству».⁹ Получив такого рода признание, В. П. Орлов просил Любищева направлять ему письма не в адрес ЦК КПСС, а на домашний адрес. Старания Орлова способствовать опубликованию статьи Любищева о методике опытного дела успеха не имели.

Попытка издать через Институт цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР большую статью Любищева о Мичурине уже в 1966 г. была пресечена директором Института академиком Д. К. Беляевым (уже после падения Лысенко!). Вот почему Любищев с горечью восклицает в очередном письме В. П. Орлову в ноябре 1966 г.: «Когда нам дадут хотя бы права зулусов, о которых мы так хлопочем, и избавят нас от дурацкого руководства?»¹⁰

Статьи и письма Любищева в защиту науки распространились в научном сообществе по типу «самиздата». Их значение в противостоянии лысенковщине можно сравнить с ролью разведки боем в военных действиях. Смелость его мысли и формулировок в замороженном, застывшем от страха постсталинистском обществе поражала и побуждала к действию. Так, первая статья Любищева, распространенная в научном сообществе осенью 1953 г., имела оглушительное по тому времени название «Об аракеевском режиме в биологии». Через год, несомненно под влиянием работы А. А., эти же слова появились в знаменитом «письме трехсот», направленном в

ЦК КПСС.^{11, 12} Авторы письма заявляли, что августовская сессия привела «к упадку, к ликвидации ряда областей науки и к фальсификации многих ее разделов (генетика, цитология, эволюционное учение и др.), к установлению аракчеевского режима в его худшей форме». Далее в письме говорится, что борьба Лысенко и его сторонников «за сохранение аракчеевского режима в биологии изображается как борьба за партийность». Влияние лексики Любищева и его решительного тона очевидно.

В истории противостояния обскурантизму в науке Любищеву принадлежит особое место. Ибо он, анализируя феномен лысенковщины, с самого начала пришел к выводу о необходимости выйти за рамки профессиональной территориальности — т. е. писать не только о биологии, а анализировать и социальный и философский фон. Любищев пришел к тем выводам, которые сделали теперь историки науки и философы.¹³

От страшного погрома, который претерпела наука как социальный институт и самоценная область человеческого духа, придется избавляться долгие годы. Внешне нет «мичуринской биологии», но остается и продолжает доминировать «мичуринская философия». Поэтому статьи и письма Любищева, а также уроки его самоотверженной деятельности в защиту науки и свободомыслия остаются актуальными.

Некоторые материалы из архива А. А., приводимые ниже, дают представление о разных способах и путях противопоставления Любищева лысенковщине и стиле его работ. Это: а) три письма Н. С. Хрущеву, которые сопровождали посылаемые в ЦК КПСС главы книги «О монополии Лысенко в биологии»; б) письмо В. Н. Сукачеву; в) отрывки из заключительной главы последней части «лысенкианы» «Что стоит Лысенко?», написанной в 1958 г.; г) отрывки из письма в редакцию «Литературной газеты» «Философы из „Литературной газеты“» (февраль 1957 г.) и д) отрывки из письма И. Г. Эренбургу (март 1957 г.).

М. Д. Голубовский

Примечания

¹ Александров В. Я. Трудные годы советской биологии // Знание — сила. 1987. № 10. С. 72—80; № 12. С. 50—58.

² Эфроимсон В. П. О Лысенко и лысенковщине // Вопросы истории естеств. и техн. 1989. № 1. С. 79—93.

³ Медведев Ж. А. История биологической дискуссии в СССР // Книжное обозр. 1989. № 6. С. 4—5.

⁴ Любищев А. А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М., 1982. 278 с.

⁵ Баранцев Р. Г. Описание архива А. А. Любищева // Сов. библиография. 1988. № 6. С. 73—78.

⁶ Из переписки А. А. Любищева и П. Г. Светлова. 1936—1969 // Природа. 1986. № 8. С. 90—100.

⁷ Речь идет о поэме «Астронавт» И. И. Пузанова, профессора Одесского государственного университета.

⁸ Неприлично молчание мне. (Из переписки профессора А. А. Любищева с инструктором ЦК КПСС В. П. Орловым. 1955—1971 гг.) // Эко. 1988. № 2. С. 97—123; № 3. С. 144—168.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Генетика — наша боль. (Из архива академика И. В. Курчатова) // Правда. 1989. 13 января.

¹² Александров В. Я., Лебедев Д. В. Это было «Письмо трехсот» // Правда. 1989. 27 января.

¹³ Филатов В. П. Об итогах лысенковской «агробиологии». (Опыт социально-философского анализа) // Вопр. философии. 1988. № 8. С. 3—23.

¹⁴ Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. № 2. С. 90—102.

Письма Н. С. Хрущеву

ЦК КПСС, тов. Хрущеву Никите Сергеевичу

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Я считаю своим долгом откликнуться на призыв к научным работникам — смело бороться с зажимом критики и господством монополии отдельных лиц в науке, так как такой монополичный режим мешает прогрессу науки, а вместе с тем мешает и осуществлению тех великих целей, которые выдвигают Партия и Правительство, и прежде всего улучшению жизни нашего крестьянства.

Но я обращаюсь к Вам не только как к лицу, занимающему ответственный пост в великой Коммунистической Партии. Для меня Вы — живой человек, кото-

рого я помню по выступлениям в Киеве перед войной, в особенности по Вашему резюме на двухдневном совещании по свекловичному долгоносику. Потратив несколько часов на внимательное выслушивание целой серии докладов работников АН СССР и вопреки заявлениям самих научных работников, планировавших выработку новой, вполне удовлетворительной системы мероприятий в конце 1941 года, Вы предложили Академии наук продолжить срок работы на один год и не отказываться от разработки проектов и более дальнего прицела. В моем личном, более чем двадцатилетнем опыте такой случай (продление руководящими лицами намеченного исполнителем плана работ) не повторялся. Я немало слышал о Вас от моих друзей-киевлян и от других лиц; все, что я о Вас знаю, дает мне твердую уверенность в том, что Вы, несмотря на огромную занятость, найдете время, чтобы ознакомиться с моей статьей «О монополии Лысенко в биологии». Вопрос, затронутый в моей статье, серьезнее вопроса о свекловичном долгоносику на Украине, а ликвидация вреда много проще.

Я писал свою статью не дипломатическим языком и не старался сглаживать резкость выражений. При всем желании соблудности полное хладнокровие, это не всегда удается, так как слишком велико то зло, которое нанес Лысенко своим бесконтрольным хозяйничанием.

Сначала я хотел ограничиться посылкой статьи уважаемому академику В. Н. Сукачеву для напечатания ее в «Ботаническом журнале», но так как на напечатание ее в ближайшее время трудно надеяться, я решил послать ее и Вам как лицу, на которое Партией возложена ведущая роль по руководству дальнейшим развитием нашего сельского хозяйства.

За свои слова я готов нести полную ответственность.

Искренне уважающий Вас зав. кафедрой зоологии Ульяновского пединститута доктор с/х наук профессор А. А. Любищев.

Ульяновск, 02.10. 1953 г.

Центральный Комитет КПСС
Первому секретарю тов. Н. С. Хрущеву

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

26 октября пр. года мною была послана на Ваше имя статья «О монополии Лысенко в биологии», содержащая весьма резкую критику деятельности академика Т. Д. Лысенко. По поводу этой статьи я имел 22 декабря длительную беседу в ЦК КПСС с А. М. Смирновым. Эта беседа дала мне большое удовлетворение, так как показала, что моя статья внимательно рассматривается в ЦК; этот разговор в дальнейшем был для меня большой моральной поддержкой во время той травли, которая была поднята против меня сторонниками Лысенко в Ульяновске (во главе с директором Сельхозинститута Красотой), все подробности которой мной сообщены в отдел науки ЦК тов. Румянцеву. В результате выдачи директором Пединститута тов. Старцевым мне характеристики от 4.III 1954 г. с упоминанием о том, что я «заявил себя сторонником вейсманизма-морганизма», было сорвано мое утверждение президиумом АН УССР в Киеве в должности, на которую я ранее был избран по конкурсу. Ясно, что с таким «волчьим паспортом» я не могу надеяться на то, что меня где-либо утвердят в другом месте, а потому реальное для меня на ближайший год — переход на пенсию, на которую я имею право после свыше 40-летней непрерывной научной и педагогической работы (мне уже 64 года).

Вопрос может показаться Вам сугубо личным и даже мало интересным, поскольку лично меня сейчас вполне устраивает выход на пенсию (это будет своего рода творческий отпуск на неопределенное время), и я не счел бы себя вправе вторично отрывать Вас от Вашей ответственной работы, если бы в моем деле личный вопрос не переплетался с общегосударственными.

В многочисленных документах последнего времени Коммунистическая Партия Советского Союза высказала ясное стремление к полной ликвидации догматизма и начетничества во всех областях науки, и несомненно, что это совершенно необходимо для осуществления грандиозных планов строительства коммунизма. И на пути разоблачения вреднейшей монополии Лысенко за истекшие полгода со времени написания моей статьи сделано много. Наиболее авторитетными документами являются, конечно, Ваше выступление в докладе от 23 февраля на Пленуме ЦК КПСС и статья «Наука и жизнь» в № 5 журнала «Коммунист».

После опубликования этих документов трудно квалифицировать деятельность Лысенко и ряда его сторонников иначе как антисоциалистическую. И, однако, как это ни странно, лысенковцы не теряют надежды сохранить свои позиции, а их многочисленные противники все еще опасаются возможности хотя бы частичной реабилитации Лысенко и удержания им руководящего положения в с. х. науке. Это же заставляет и многих настоящих ученых придерживаться тактики Опарина и не выступать открыто против Лысенко и его сторонников.

Чтобы показать Вам, Никита Сергеевич, что это не голословное мое заявление, чтобы дать Вам представление о том, как думают некоторые солидные ученые, приведу характерное мнение двух лиц. Вот мнение одного ученого в письме ко мне по поводу моего выступления против Т. Д. Лысенко: «...Мне представляется, что Вы взяли на себя весьма трудную и неблагодарную задачу по следующим причинам: 1) По всем каналам начнется противодействие, мощь которого Вы недооцениваете. Вы противопоставляете себя огромной силе. 2) За Вами „числится“ репутация человека, грешащего некоторыми "измами", поэтому с Вами будет легко бороться шаблонными методами. В связи со сказанным было бы разумнее выступить не Вам, а Вашим ученикам, которым нельзя было бы предъявить обвинений, 3) С моей точки зрения, трудность ситуации связана даже не с научной стороной дела, а с политической. Т. Д. является такой фигурой, которая олицетворяет в глазах всего мира передовое и прогрессивное. И в политическом отношении нам невыгодно чрезмерно умалять его значение как выдающейся фигуры современности. Слов нет, что он порядочно напутал, создал ситуацию для появления фаворитов-бездельников, но ведь вокруг каждой крупной фигуры такое водится... Общее мое заключение — я на Вашем месте такого шага не предпринимал бы. Но дело сделано, и результаты его надо пережить, а может быть, и претерпеть».

Это было написано в декабре 1953 г.; правда, в январе 1954 г. то же лицо одобрило мое открытое выступление (а не через подставных лиц).

Другое мнение, пожалуй, прямо странное. Передаю краткое содержание одного разговора между кандидатом наук и профессором. Кандидат наук привел в разговоре с профессором ряд примеров из деятельности опытных станций, когда работники станций были вынуждены умалчивать о недостатках или даже выискивать данные о «преимуществах» летних посевов люцерны, посевов на стерне и некоторых других «непререкаемых истин». Профессор вполне согласился с этими недостатками, но тем не менее пришел к выводу о том, что все агрономические работы должны идти по старому руслу и целиком под эгидой Трофима Денисовича.

«Что будет, — сказал он, — если снова поднимутся разногласия в этой области. Тогда правительство совсем не сможет разобраться в истине».

Молодой кандидат наук, еще не привыкший к подобным рассуждениям, естественно, был поражен и, передавая мне содержание этого разговора, заметил:

«Или профессор это не продумал, или действительно материальное благополучие пускает очень глубокие корни не только в мировоззрение, но и в способность логического рассуждения».

Верно, что ученые, привыкшие к своему исключительному (по сравнению, например, с инженерами или с медицинскими работниками) материальному положению, очень боятся его потерять и эта боязнь тем больше, чем положение выше. Верно, кроме того, что им так долго внушали превратно понимаемое мнение о партийности в науке, что они эту партийность понимают как сознательное искажение истины в политических интересах. Я же полагаю и думаю, что есть правильное понимание партийности в науке, что вся «партийность» в науке заключается в том, что ученые должны отдавать предпочтение темам, связанным с разрешением великих проблем социалистического строительства, и что при этом никакое искажение или замалчивание истины недопустимо.

Верно и то, что ученые устали от так называемых свободных дискуссий, которые проводились в 1948 и 1950 годах, так как они ясно видели, что результат этих дискуссий был предрешен и был совершенно независим от тех аргументов, которые выдвигались на дискуссиях. Они хорошо помнят, что в 1950 году был провозглашен лозунг, что никакая наука не может развиваться без борьбы мнений и свободы критики (этот лозунг начетчики и сейчас любят повторять в начале каждого своего выступления) и в том же году была канонизирована О. Б. Лепешинская; одни крупные ученые за критику Лепешинской были сняты с работы, другие были принуждены высказать мнения, не согласные с их убеждениями. По-прежнему справедливы в отношении многих (и притом настоящих) ученых слова Некрасова

Я не продам за деньги мнения,
Без крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убеждения
Я не могу... я не могу.

И многим ученым и сейчас кажется возможным благоприятный поворот в сторону Лысенко, и они толкуют как знаменательные в этом смысле такие факты, как награждение его орденом Ленина за выслугу лет, что он избран депутатом в Верховный Совет, что он сохраняет пост президента ВАСХНИЛ, что он читает лекции отъезжающим на освоение целинных и залежных земель, и даже принимается во внимание тот факт, что при вручении ордена Ворошилов обнял Лысенко (хотя, судя по кинохронике, правильнее думать, что Лысенко обнял Ворошилова). Все эти факты служат для очень многих барометром — заставляют их сдерживаться в своих выступлениях.

Известно, что при выборах в Президиум Академии наук СССР партийная организация настойчиво указывала, что академики должны чувствовать себя свободными в выборе кандидатов, но не менее настойчиво действовали защитники Лысенко во главе с академиком Топчиевым. Не знаю, как обстоит дело сейчас, но до недавнего времени в Бюро Биологического отделения Академии господствовала группа лысенковцев: А. Н. Студитский, П. Н. Нуждин, И. Е. Глушенко и малейшая критика в адрес Лысенко приравнивалась, как пишет мне один корреспондент, «к контрреволюции, саботажу и спекуляции». Студитский и Нуждин уже получили по заслугам в пятом номере «Коммуниста», но не следует думать, что от такого выговора моральный облик этих лиц претерпит хоть какое-нибудь изменение.

Многие мои друзья считают мое выступление против Лысенко «наивным», «донкихотским». Я действительно «наивен», так как верю в конечное торжество разума и твердо верю в искренность партийного руководства.

Я понимаю медлительность организационных выводов, так как в том разброде, который сейчас имеет место среди ученых, мне кажется, такое положение, когда лица, в отношении которых доказана не только ошибочность, но и нанесение большого ущерба своей деятельностью государству, остаются не только безнаказанными в уголовном порядке (а здесь уже пора заговорить прокурору),

но и сохраняют свои бесчестно полученные ученые степени и высокие посты.

Искренне уважающий Вас

зав. кафедрой зоологии Ульяновского Педагогического
института доктор с/х наук, профессор А. А. Любищев

Ульяновск, 3 мая 1954 г.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Я пересылаю Вам продолжение работы «О монополии Лысенко в биологии», первая часть которой была передана еще в конце 1953 года. Это продолжение (главы 2-я «О "вейсманизме-менделизме-морганизме"» и 3-я «Наследство Мичурина—Вильямса» еще не являются окончанием). Я сознаю медлительность моей работы, но полагаю, что некоторым извинением может служить ряд обстоятельств.

Дело по ликвидации лысенковского режима, успешно начатое в 1954 году, затормозилось, очевидно, в силу сильной оппозиции кругов, кровно заинтересованных в сохранении старого положения. Естественно, что и задача критики расширилась и осложнилась.

Самому мне работа открыла много нового и неожиданного, но я убедился в том, что если в оценке лысенковщины я и сделал ошибки, то лишь в недооценке, а не в переоценке ее вредного влияния: я неправильно обвинил противников Лысенко в замалчивании Мичурина.

Наконец, я мог посвящать этой работе только урывки времени от педагогической деятельности. Хоть стиль ее резок, но написана она не желчью личных обид, а кровью старого, но еще не остывшего сердца, не могущего выносить те несчастья и позор, которые принесли и продолжают приносить Лысенко, его приспешники и подпевалы моей Родине и моей науке.

Проф. А. Любищев

23 апреля 1955 г.

Академику В. Н. Сукачеву
Ленинград, ул. Попова, 2
Всесоюзное Ботаническое общество

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Посылаю Вам первую главу моей статьи «О монополии Лысенко в биологии».

Первый экземпляр этой статьи я направляю Никите Сергеевичу Хрущеву. Это я делаю потому, что отлично понимаю, что резкость тона моей статьи будет служить препятствием для напечатания ее в любом журнале. Вам же я посылаю потому, что искренне уважаю Вас как стойкого борца за науку и человека безукоризненной моральной репутации и не сомневаюсь, что мои материалы могут быть Вами использованы. Если вопрос о напечатании будет решен в положительном смысле, то я, конечно, готов на сокращение, в особенности параграфа, касающегося фальсификации работ М. Ф. Иванова. В оригинальном документе я писал со всей подробностью, т. к. при беспринципном характере современных временщиков в науке с ними надо обращаться как с подсудимыми и не давать им возможности уклониться от ответственности.

Копию письма Н. С. Хрущеву прилагаю.

Искренне уважающий Вас А. Любищев

ЧТО СТОИТ ЛЫСЕНКО?

Краткие тезисы

1. Несмотря на достигнутые успехи в деле ликвидации монополистического режима Лысенко, положение в биологической науке продолжает быть неудовлетворительным, так как истинное практическое значение лысенковщины продолжает оставаться неясным, и ученые, занимавшие столь высокое положение, как например президент АН СССР Несмеянов, считают возможным замалчивать Н. И. Вавилова и выдвигать Лысенко.

2. Колоссальный ущерб, нанесенный нашему хозяйству деятельностью Лысенко, всего легче может быть выявлен путем сопоставления динамики урожайности в зарубежных странах и у нас.

3. По основным зерновым культурам (пшеница, рожь, ячмень, овес) урожайность всех зарубежных стран повысилась от 9.81 ц на га в 1932 году до 12.5 в 1953 г., что соответствует среднему годовому приросту в 1.18%; по главной культуре — пшенице — от 8.9 ц до 12.0 ц при среднем годовом приросте 1.43%.

4. В Германии за 200 лет урожайность возросла в 3.45 раза (ср. год. прирост — 0.60%), а последние годы на 26% (ср. год. прирост — 1.39%).

5. В Великобритании за 500 лет урожайность возросла в пять раз (ср. год. прирост 0.32%), за последние годы (18 лет) ср. год. прирост урожайности пшеницы 1.31%, всех зерновых 1.20%.

6. В Канаде и США было резкое падение урожайности в связи с хищнической эксплуатацией земель, сейчас положение восстановлено и урожайность растет быстрыми темпами.

7. Для всех культурных стран даже за период, включающий войну, мы имеем за последние 20 лет средний годовой прирост 1.23%.

8. В России урожайность зерновых была стабильна до 1861 г., после, вплоть до революции, подымалась, падение — во время первой мировой и гражданской войн, после восстановительного периода — бурный подъем урожайности, достигший к 1940 г. уровня 10.5 ц с га. Мы могли бы ожидать в настоящее время средней урожайности не менее 13 центнеров с гектара.

9. Данные о средней урожайности зерновых по СССР в настоящее время не опубликованы: можно показать, что средняя урожайность порядка 8—9 центнеров и никак не выше 10 центнеров в год. Между ожидаемым и фактическим урожаем наблюдается разрыв не менее трех центнеров на га, или при современных площадях недобор около 2.35 миллиардов пудов — четырехкратный размер дореволюционного экспорта зерна.

10. В отношении *кукурузы* разрыв между ожидаемым урожаем (25 ц) и фактическим (никак не более 15) не менее 10 центнеров, что соответствует недобору 93 милл. центн. или около 600 милл. пудов зерна. «Ножницы» между динамикой урожайности кукурузы в США (от 15 к 25 ц) и у нас (от 15 к 10, может быть восстановление до 15 за самые последние годы) *целиком* объясняются противодействием Лысенко введению гибридных семян (против Н. И. Вавилова).

11. По *картофелю* полностью выявлена ошибочность защищаемых Лысенко против Н. И. Вавилова положений: пренебрежение половой гибридизацией, уменьшение числа семян, направленное воспитание на высоких агрофонах, летние посадки как средство борьбы с вырождением. Все основные успехи картофелеводства достигнуты до 1940 года, сейчас ухудшение селекции и семеноводства, распространение болезней вырождения, падение урожайности. Цифры урожайности недоступны.

12. По *сахарной свекле* — относительно приличное положение и прекрасное в некоторых новых районах свеклосеяния (напр., в Киргизии): лучшее сравни-

тельно положение свекловодства объясняется особенностями семеноводства этой культуры и недостаточным вниманием, проявленным Лысенко к этой культуре.

13. По хлопчатнику — блестящее положение в основных хлопкосеющих республиках: рост площадей, рост урожайности: урожайность у нас сейчас — выше, чем где бы то ни было: средний годовой прирост урожайности за 43 года — 1.63%, за 25 нормальных лет — около 2.81% в год.

Исключение: *полный провал попытки* внедрения культуры хлопчатника в новых районах: до полумиллиона гектаров. Эта идея оспаривалась Н. И. Вавиловым и полностью поддерживалась Лысенко, обещавшим вывести новые сорта в 2—3 года.

14. То же с чаем: прекрасное развитие (по площадям и урожайности) в Грузии и Азербайджане, *полный провал* в новых районах под «научным руководством» Лысенко.

15. В отношении *цитрусовых* то же самое — большой успех в субтропиках, *полный провал* культуры цитрусовых в Крыму под эгидой Лысенко: при этом было запущено крымское виноградарство и садоводство.

16. В *виноградарстве и садоводстве* урожайность низка, «мичуринская биология» оказалась совершенно бесплодной.

17. Решительно *все культуры в тех местах и в те периоды*, когда они подвергались особому вниманию Лысенко, показывают деградацию, напротив, все культуры вне его внимания процветают. Можно сказать, что «закон падающего плодородия почвы» оказывается справедливым в сфере деятельности Лысенко и решительно опровергается в культурных странах вне сферы его деятельности независимо от общественно-политического строя страны.

18. Краткий разбор всех его предложений показывает, что все они: а) как правило, не новы, а пробовались ранее и часто были забракованы; б) дельные в определенных условиях предложения в связи с проведением их во всех условиях оказались неэффективными; в) отсутствие правильно поставленного учета не допускало своевременного вскрытия ошибок.

19. Причиной такого губительного действия лысенковщины является в основном даже не бесполезность его конкретных мероприятий, а полная дезорганизация селекционной, семеноводческой и опытной работы, учета и контроля результатов работы, соединенная с разнузданнейшим хвастовством, фальсификацией, клеветой на своих противников и политическими инсинуациями, т. е. нарушением основных признаков не только подлинной социалистической культуры, но и всякой культуры.

20. Эта система сделала почти совершенно бесполезной работу агрономов, вызвала у Сталина преувеличенное представление о благосостоянии советского колхозника, повлекла сокращение выданных на трудодень, лишила колхозника материальной заинтересованности и привела к пренебрежению самыми элементарными агротехническими требованиями, как напр, вывоз навоза на поля в нечерноземной полосе.

21. Утверждение, что Лысенко не виноват в деградации нашего сельского хозяйства, так как ему кто-то «мешал», совершенно необоснованно. Ему действительно «мешали» Н. И. Вавилов с сотрудниками, но пока были эти «помехи», наше хозяйство прогрессивно развивалось. Когда же «помехи» по настойчивому требованию Лысенко (сопровождаяшему эти требования клятвенными уверениями, что он отвечает за прогресс хозяйства, если помехи будут удалены) были действительно удалены, наше хозяйство пошло не вверх, а вниз; при этом никаких указаний на необходимость устранения новых «помех» (после 1948 г.) мы от Лысенко не слышали.

22. Подъем нашего сельского хозяйства настоятельно требует полной ликвидации лысенковщины: в отношении же самого Лысенко выдвигается необходимость психиатрической экспертизы.

23. Подробное обоснование настоящих тезисов дается мной в машинописной работе (около четырех печатных листов) под тем же заголовком.

Доктор с/х наук, профессор [А. Любищев]

14 января 1958 г.

Введение

Положение на фронте биологической науки в СССР за последнее время как будто стабилизировалось. Правда, произошли весьма существенные изменения по сравнению с периодом 1948—1952 гг. Полностью разоблачен Бошняк, уже совсем почти не слышно об О. Б. Лепешинской. Сломлена монополия Т. Д. Лысенко в научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях. Большинство «менделистов-морганистов» получили возможность разрабатывать недавно отвергаемые отрасли биологии в хорошо оборудованных учреждениях при весьма активном содействии ряда выдающихся математиков, физиков и химиков. На научных биологических съездах и совещаниях лысенковцы оказываются в ничтожном меньшинстве. В печать за последние пять лет проникло большое число статей, резко критикующих преимущественно теоретические взгляды Лысенко. В высшие учебные заведения возвратилось очень много ученых, удаленных отсюда в 1948 году, и в некоторых вузах преподают классическую, так называемую менделистскую генетику. Положительное (а не ругательное) изложение менделизма и хромосомной теории проникло и в Большую Советскую Энциклопедию. Из учебников удалены «достижения» не только Бошняка и Лепешинской, но и «новое в учении о виде». Появились новые журналы, результат тесного контакта биологии с точными науками, как напр. «Биофизика», и в некоторых старых журналах произошла смена редакционных коллегий.

Может создаться впечатление, что в биологии достигнут правильный синтез двух направлений: лысенковского и вавиловского; последний термин, пожалуй, не применялся, но он подчеркивает тот факт, что общепризнанным лидером критиков Лысенко являлся до самого ареста в 1940 году незабвенный Н. И. Вавилов. Можно подумать, что оба направления имеют заслуги, [но] делали и ошибки; устранением ошибок обоих направлений и синтезом положительных сторон мы можем получить «единое» биологическое направление, свободное уже от ошибок. Дальнейшая же полемика осуждается, как проявление низменных сторон человеческой психики: мстительности, стремления к «реваншизму», карьеризма и других неблагородных побуждений. Это кажется тем более обоснованным, что в некоторых кругах нашего общества не сомневаются в крупных практических достижениях Т. Д. Лысенко и его школы. Это касается и тех лиц, которые критически относятся к многим последним «теоретическим» высказываниям Лысенко. Напр., Олег Писаржевский в своей статье «Дружба наук и ее нарушения» (Альманах «Год тридцать седьмой», альм, восемнадцатый, третья книга, 1954 г., с. 193—254) с восхищением вспоминает о расцвете колхозного опытничества и о свежем вихре гигантских дел, ворвавшимся после сессии 1948 года в душевные комнаты менделистов (с. 198).

Еще определеннее поступает редакция журнала «Техника — молодежи». Начиная с № 5 1957 г. в журнале помещена серия работ вавиловского направления, иллюстрирующих новейшие успехи хромосомной теории в классической генетике как в теории, так и в практике селекции, принадлежащих ряду крупных ученых, как биологов, так и физиков, химиков, математиков; упомяну И. Е. Тамма, И. Л. Кнунянца, А. А. Ляпунова, Н. П. Дубинина, А. Р. Жебрака, С. А. Алиханяна и др.. В статьях, конечно, нет никакого упоминания о Лысенко, но редакция сочла нужным предпослать в двух местах вводные замечания, где,

между прочим, говорится, что «общеизвестна большая роль Т. Д. Лысенко» в крупных успехах социалистического земледелия (№ 5, с. 34).

Редакцию нельзя обвинить в таком прибавлении, так как, напр., академик И. Л. Кнунянц в одной из статей в «Литературной газете» (11 января 1955 г.) не отрицал заслуг Лысенко, да и сам Н. И. Вавилов и его сторонники в первый период работы Т. Д. Лысенко (с 1929 по 1935 г.) не только не старался его зажать (как это часто утверждают), но всячески поддерживал его работы по стадийной теории и яровизации (см., напр., «Теоретические основы селекции» под ред. Н. И. Вавилова, т. 1, 1934, с. XV, 72, 370, 388, 452, 574, 807, 811, 865 и др.).

Даже на совещании по генетике и селекции, состоявшемся с 7 по 14 октября 1939 года по инициативе редакции журнала «Под знаменем марксизма», как указал руководитель совещания, акад. М. Митин, никто из присутствующих не отрицал, что в достижениях акад. Лысенко «мы имеем много нового, ценного, полезного, дающего большой народнохозяйственный эффект» ([журнал] «Под знаменем марксизма», 1939, № 10, с. 150). Спор шел исключительно в плоскости защиты менделистской генетики Н. И. Вавиловым и его сторонниками и полного ее отрицания лысенковцами. В этой же плоскости шла борьба и на сессии 1948 года.

Что же касается И. В. Мичурина, именем которого Лысенко окрестил свое направление, то тут, если судить по печатной литературе, вообще нет сомнений в его большом теоретическом и практическом значении. Вавиловцы только постоянно упрекают Лысенко и его сторонников, что они неправильно называют свое направление мичуринским.

Таким образом, получается как будто «сосуществование» двух научных направлений, одинаково имеющих право на поддержку и на развитие. Но это сосуществование отнюдь не мирное. Сам Лысенко, невзирая на критику, не сдал решительно ни одной позиции и продолжает свое «теоретическое творчество» в прежнем духе: напр., в заключительном докладе конференции по наследственности и изменчивости Института генетики АН СССР 8—14 октября 1957 г. он «разрешил» всю проблему целесообразности, указав, что она есть просто результат закона жизни, направленного на увеличение массы данного конкретного биологического вида (см. газ. «Сельское хозяйство» от 17 октября 1957 г. и «Правда», 17.VII 1957, статья «Интересные работы по животноводству в Горках Ленинских», перепеч. в журнале «Агробиология», 1957, № 4).

С другой стороны, критики Лысенко все больше и больше приходят к выводу, что первоначальная высокая оценка достижений Лысенко, а также Мичурина была ошибкой.

Во вступительном докладе акад. В. Н. Сукачева на открытии 2-го делегатского съезда Всесоюзного ботанического общества 9 мая 1957 года о Мичурине было упомянуто только вскользь, о Лысенко и о стадийной теории не сказано ни слова, неоднократно с большой похвалой упомянут Н. И. Вавилов и очень много сказано об отставании ряда разделов ботаники вследствие искусственного задержания развития классической генетики. Это повторено и в резолюции делегатского съезда, принятой *единогласно* 17 мая и одобренной Бюро Биологического отделения Академии наук СССР: в резолюции отмечен также низкий уровень преподавания генетики, цитологии и дарвинизма в высших учебных заведениях и ботаники в средней школе (см.: Ботанический журнал, 1957, т. 42, № 11, с. 1727—1734).

В недавнем обзорном выступлении по радио академика А. Л. Курсанова (14 сентября) по физиологии растений в числе многих имен не упоминается ни о Мичурине, ни о Лысенко и ни слова не говорится о стадийной теории развития.

Таким образом, среди советских ботаников достигнуто большое единодушие в отрицательной оценке лысенковщины и на общих съездах лысенковцы даже не решаются выступать, однако это мнение ботаников, поддержанное Бюро

Биологического отделения АН СССР, игнорируется официальными главами АН СССР и ВАСХНИЛ.

Президент Академии наук СССР академик А. Н. Несмеянов в статье «Сорок лет советской науки» ([Газ.] «Правда», 2 ноября 1957 г.) в разделе ботаники считает возможным привести лишь имена Т. Д. Лысенко и Н. В. Цицина, вовсе не упоминает имени Н. И. Вавилова. Как будто из такого текста можно сделать вывод, что, по мнению Несмеянова, все вавиловское направление является уже осужденным. Нет, даже из текста статьи такого заключения сделать нельзя, так как там с одобрением говорится, что биологи все более привлекают методы и идеи математики, физики, химии и что «мы можем ожидать наиболее революционных событий в биологии, именно в тех ее разделах, которые изучают элементарные биологические акты, их физику и химию как на уровне клетки, так и на уровне ткани и органа». На этот путь Несмеянов возлагает большие надежды в смысле глубокого овладения и вмешательства человека в наследственность, размножение и т. д. Но ведь весь спор Вавилова и Лысенко и возник из-за того, что Лысенко протестовал против менделизма, как «математизации» биологии и считал бесперспективным использование таких агентов, как колхицин, рентгеновские лучи и другие мощные физические и химические агенты.

Таким образом, статья Несмеянова имеет два аспекта: для далеких от науки лиц дело совершенно ясное: Лысенко победил; для понимающих дело тоже совершенно ясное, что Лысенко упомянут из соображений, не имеющих ничего общего с наукой.

Приблизительно ту же структуру имеет и статья президента ВАСХНИЛ П. П. Лобанова (газ. «Сельское хозяйство» от 2 ноября 1957 г., с. 3—4): полное игнорирование Н. И. Вавилова, выпячивание Мичурина и Лысенко, изображение истории нашей селекции и семеноводства как единого процесса, шедшего мичуринским путем и приведшего к созданию многочисленных новых сортов растений, из коих многие являются лучшими в мире.

Неудивительно, что в средних школах в числе основных пособий по курсу дарвинизма фигурируют портреты Мичурина и Лысенко, и их работы считаются важнейшими достижениями советского периода. Правда, в отношении Лысенко речь идет только о стадийной теории и ее приложении, «новое в учении о биологическом виде» не упоминается и даже не говорится об органо-минеральных смесях.

Раскол в среде биологов и агрономов не только продолжает существовать, но и расширяется, и не без основания. Если первые работы Лысенко по стадийной теории развития носили научный характер, то *после разрыва с Вавиловым в 1935 году вся теоретическая продукция Лысенко не имела решительно ничего общего с наукой, как показано многочисленными его критиками.*

Любопытно вместе с тем, что в то время как одобряющие деятельность Лысенко президенты Несмеянов и Лобанов, на первое место ставя его стадийную теорию, не упоминают о последних теоретических «достижениях», сам Лысенко в последней статье «Теоретические успехи агрономической биологии» ([Газ.] «Известия» от 8 декабря 1957 г.) вовсе не упоминает стадийную теорию развития и больше всего упирает на изменение наследственности «мичуринскими» методами. Правда, сейчас ему уже невозможно оспаривать применение тех методов, которые он так долго задерживал (гибридные семена кукурузы, применение радиоактивных и химических веществ для получения мутаций и проч.), но он старается показать, что все эти методы не связаны с классической генетикой.

Попытка побудить представителей обоих направлений работать совместно и дружно над развитием биологической науки напоминает все-таки крыловскую басню о лебеде, раке и щуке, и результат надо ожидать совершенно аналогичный.

Каков же выход из положения? Дальнейшие теоретические споры бесполезны, так как Лысенко по своему культурному уровню просто не понимает доводов

своих противников. Вопрос должен быть решен основным критерием всякой науки — практикой. Как было сказано в начале, большинство критиков Лысенко не отрицали серьезных практических его достижений и сейчас многие, и в числе их весьма влиятельные лица, не сомневаются в практической ценности некоторых его достижений, перекрывающей вред, происшедший от внедрения ошибочных, раскритикованных предложений.

Задачей настоящей статьи и является показать, что это совершенно неверно. Общий итог деятельности Лысенко: колоссальные убытки, причиненные нашему сельскому хозяйству, сохранение же Лысенко и его сторонников на видных постах в научных учреждениях, высшей школе и административных органах чрезвычайно тормозит прогрессивное развитие нашего сельского хозяйства, а косвенно и всей экономики.

Утверждение же Лысенко в начале последней цитируемой статьи: «После Великой Октябрьской социалистической революции теоретическая биология впервые в истории получила возможность сделать целью своей работы непосредственную помощь сельскохозяйственной практике» — является, как, впрочем, все оригинальные утверждения у Лысенко, ничем не оправданным хвастовством.

Из статьи «Философы из "Литературной газеты"» (6.02. 1957 г.)

...Трудно найти такое выдающееся явление в области математики, теоретической физики, химии или назвать таких крупных ученых, которых наши философы не обвиняли бы в сползании в то или иное идеологическое болото. Для истории нашей культуры представляло бы интерес свести в целое все отрицательные высказывания наших крепко идеологически подкованных философов. Для этого следует просмотреть комплекты журналов «Под знаменем марксизма», «Вопросы философии», все наши руководящие органы печати, выпущенные массовыми тиражами философские словари (сравнивая последовательные издания), учебники и пособия. Хорошая диссертация получилась бы и заглавие можно предложить: «Отношение советской философии к науке». Но эту большую работу сейчас мы проделать не можем.

Не буду перечислять всех грандиозных достижений современных точных наук: их уже никто отрицать не может. Но философы сейчас говорят: мы не отрицаем их положительных достижений, но эти достижения явились не благодаря философским воззрениям ряда крупнейших ученых современности (назову Эйнштейна, Бора, Шредингера, Гейзенберга, Гильберта, Рассела, Винера и т. д. и т. д.), а вопреки их философским воззрениям. Исключительная их одаренность преодолела классовую ограниченность, но это не значит, что мы должны допускать их «неустойчивость, расплывчатость, разнообразие самых элементарных познаний». Эта расплывчатость и чрезмерная свобода приводит, по мнению наших философов, к пропаганде мракобесия, расизма и проч. реакционных явлений. Что в западной литературе имеется много человеконенавистнических, разлагающих молодежь, и других реакционных произведений, это, конечно, бесспорно. Но при каждом большом и даже самом великолепном здании есть мусорные ямы, уборные и прочие сборища нечистот, и нельзя по нечистотам заднего двора судить о самом здании: утверждение о связи философских воззрений (пусть даже ошибочных) с нечистотами западной культуры по крайней мере спорно. Но попробуем формулировать то основное положение, которым руководятся наши философы. Я думаю, что оно будет иметь приблизительно такую форму.

Общеизвестно, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но не следует понимать, что каждый ученый и философ свободен в своих высказываниях: существуют определенные границы для свободы мышления, устанавливаемые не самими учеными и философа-

ми, а вышестоящими организациями, время от времени выпускающими постановления по идеологическим вопросам, которые подлежат беспрекословному повиновению, какие бы ошибки они не заключали. Теории крупнейших ученых Запада должны отвергаться «с порога», если содержат хоть малейшее противоречие с утвержденными установками. Если даже эти утвержденные установки, проведение которых возложено на определенных лиц, привели к огромным убыткам и нелепейшим высказываниям, ученые не имеют права критиковать идеологические установки до тех пор, пока сверху не будет спущено соответствующее милостивое указание.

Посмотрим к чему привела эта практика? Я бы очень хотел знать хотя бы один случай, где такое идеологическое руководство принесло хотя бы самую малейшую пользу науке. Я пытался разбираться в философской литературе, я обращался с вопросом ко всем мне знакомым философам, но безуспешно, я буду очень благодарен, если мне такой случай укажут. Примеров же отрицательного влияния такой системы на нашу науку и философию я могу привести достаточно.

1) В области *философии* мы наблюдаем полнейший застой. Доходит до того, что, несмотря на преподавание философии всем студентам всех вузов и огромный штат философских работников, мы до сих пор не имеем признанного руководства по этой дисциплине, а массовые издания служат только показателем угодовности наших философов, приспособляющихся к каждому дуновению идеологического ветра.

2) *Политическая экономия*, долженствующая быть теоретической базой для конкретной экономики, способствовала полному развалу конкретной экономики и последнюю теперь приходится восстанавливать.

3) В *истории* постановление о «прогрессивном войске опричников» привело к идеализации Ивана Грозного и фальсификации истории и не только эпохи Грозного.

4) В *филологии* длительное господство Марра и в этой области существование аракчеевского режима было установлено официально.

5) В *области точных наук* получилась задержка развития ряда новых областей науки. В конце концов философские моськи принуждены были перестать лаять на научных слонов, так как уж слишком велико и очевидно даже для невежд было значение слонов.

6) В *области биологии* «расцвет советского творческого дарвинизма» — «мичуринская биология», «новое в учении о биологическом виде» Лысенко, «новая клеточная теория» О. Б. Лепешинской, «учение» Бошняна. И все это преподносилось не как новые интересные гипотезы, требующие проверки, а как окончательные истины в последней инстанции, «единственно прогрессивные теории», сомневаться в которых не может ни один советский человек. Не только выдающихся ученых недавнего прошлого Вейсмана, Менделя, Моргана, Вирхова и других, но и одного из величайших благодетелей человечества, гениального Пастера Лепешинская и Бошнян рассматривали как реакционера, задержавшего развитие биологии. Лепешинская даже вытащила из забвения наименее удачное произведение Д. И. Писарева, защищавшего Пуше против Пастера, отвергнув те яркие слова, которые в свое время по этому поводу произнес К. А. Тимирязев: «И все, кому была дорога эта свобода, это право ученого приходиться в конце своего исследования к тем выводам, которые вытекают из данных опыта, а не к тем, которые заранее предписаны из Рима, конечно, были возмущены преследованиями, которым подвергся Пуше со стороны клерикальной прессы. Этим объясняется отпор, данный ей прессой либеральной, в жару полемики не всегда, впрочем, делавшей различие между Пастером и его непризнанными покровителями, между блистательно доказанным научным фактором и его эксплуатацией в видах преследования той же науки» (Луи Пастер. Избр. соч. Т. 2. 1948, С. 269).

Культ личности «утвержденных» ученых принес вред (хотя, конечно, меньших размеров) даже тогда, когда объектом культа был бесспорно крупный ученый, напр. И. П. Павлов. Для возвеличения И. П. Павлова понадобилось подвергнуть травле такого крупного ученого и верного его последователя, как Л. А. Орбели, так как его работы не укладывались в строго предписанные сверху рамки.

Но нам говорят, что это все — в прошлом. Ошибки исправлены, и теперь надо дружно работать без стремления к «реваншизму». Кое-что, конечно, исправлено: Бошняк уже разоблачен просто как нечистоплотный работник, о Лепешинской в научном обществе серьезно не говорят, ее «учение» из программ выкинуто, Л. А. Орбели больше не обижают, и даже допускается критика некоторых сторон деятельности Лысенко и его последователей. Крупные настоящие (не «мичуринские») генетики: Тимофеев-Ресовский, Н. П. Дубинин получили лаборатории с достаточным штатом для проведения тех исследований (главным образом по радиобиологии), по которым мы страшно отстали от Запада, и даже о новейших достижениях охаянной и «окончательно» осужденной хромосомной теории Н. П. Дубинин печатает статьи (напр., в журнале «Биофизика» № 8 за 1956 г.). Все как будто в порядке. Но спрашивается, кто сможет читать эти статьи, как и статьи вообще по генетике и другим быстро прогрессирующим отраслям биологии, требующим некоторой математической и физической подготовки? Ведь на наших биологических факультетах настоящая генетика (так называемая менделистская) не преподается, математика если и дается, то в минимальной дозе, а на биофаках педвузов даже скромный курс физики устранен из программы за последние годы. Что же представляет собой «мичуринская генетика» по сравнению с настоящей генетикой, можно судить по рецензии Б. Н. Васина, Т. К. Лепина и В. П. Эфроимсона на книгу Н. И. Фейгинсона «Основные вопросы мичуринской генетики», 1955 г., напечатанной в Бюллетене Моск. о-ва испытателей природы, отд. биологии, т. LXI(4), 1956, с. 95—105. Старые немногочисленные кадры постепенно отмирают, а нового пополнения недостаточно. Во главе Института генетики АН СССР по-прежнему стоит Лысенко, представителем на международный конгресс генетиков в Японии в сентябре 1956 г. поехал лысенковец Глущенко. Молодежь ломится в Москве на доклады настоящих генетиков (напр., на доклад Тимофеева-Ресовского «Кибернетика и генетика»), но на экзаменах по генетике и дарвинизму наиболее передовые студенты принуждены лгать: они уже знают, что то, что им преподают, — вздор или в лучшем случае устаревшие отбросы мысли старых ученых, но ведь если они скажут это экзаменаторам, им обещан провал. Только невежеством или наглым цинизмом можно объяснить тот цитированный мной абзац из «Литературной газеты», где так умилительно восхищались счастливой судьбой нашей молодежи. И молодежь уже недовольна продолжающимся засорением нашего первого университета, Московского, такими фигурами, как Дворянкин, Фейгинсон и др., но пока не удалось добиться полки сорняков в нашей научной действительности. Не помогло и заступничество большого ряда наших крупнейших физиков и математиков: им, говорят, разъяснили, что они как неспециалисты в биологии недостаточно разбираются в этом деле, как будто те, кто высказывали эту оценку компетентности математиков, сами в какой-либо точной науке сколько-нибудь удовлетворительно разбираются.

7) В области агрономии мы имеем наиболее катастрофические для нашего хозяйства достижения. Лысенко пришел к власти под лозунгом быстрого и решительного повышения урожайности всех культур, опираясь не только на свои собственные, оспариваемые Н. И. Вавиловым и его сторонниками, «теории», но и на взгляды Мичурина и В. Р. Вильямса. А вот что обещал В. Р. Вильямс в статье «Социалистическая переделка природы», опубликованной в газете «Социалистическое земледелие», № 25, 7 ноября 1937 года, и [что] перепечатано в книге В. Р. Вильямса «Травопольная система земледелия», 1949 г., с. 492:

«Какие же урожаи будут завтра, если сегодня уже стахановцы полей дают с гектара 80—100 центнеров зерна, 1500—2000 центнеров свеклы, 12—15 центнеров льноволокна, 150—200 центнеров хлопка! Ведь именно эти числа должны стать и вскоре станут средним урожаем наших социалистических полей». Это не случайная обмолвка или описка, подобные суждения Вильяме высказывал неоднократно. А какие урожаи были в 1938 году, год смещения Н. И. Вавилова с поста президента ВАСХНИЛ? Для зерновых — в среднем по Союзу около 10 центнеров с га, в лучшие годы — около 11 центнеров с гектара. Естественно, надо было ожидать, что если осуществить все мероприятия, предлагавшиеся Лысенко, то мы повысим урожай если не до цифр, указанных Вильямсом, то хотя бы приблизимся, скажем, к английскому уровню, где урожай зерновых в настоящее время порядка 25 центнеров с га. И какой арсенал средств: массовое применение яровизации, травопольная система, внутрисортовое скрещивание, исключительно быстрая «переделка природы растений» методом «направленного воспитания», внедрение ветвистой пшеницы, стерневые посева, гнездовые посева лесокультурных полос, добавочное опыление, предпосевной обогрев семян, внедрение новых методов по борьбе с сельскохозяйственными вредителями (теленормус, куры, приманочные посева), вегетативная гибридизация и т. д. и т. д. Ну, а результат?

Сейчас можно сказать с полной уверенностью, что *по зерновым культурам за 20 лет (с 1937 г.) достигнуто не повышение, а снижение урожайности* порядка 20—30 процентов и средняя урожайность зерновых снизилась до 7/8 ц/га, то есть спустилась до дореволюционного уровня. Но эти цифры «засекречены». В недавно вышедшем статистическом сборнике «Народное хозяйство СССР» (1956) мы можем найти точные данные о добыче угля, нефти, выплавке железа, стали и т. д., но что касается производства зерна, то мы тут найдем только посевные площади для зерновых культур и размер валового сбора зерна в процентах к 1950 году. Размеров валового сбора в тоннах на Союз или отдельные республики или в центнерах на гектар мы не найдем. Если взять статью «Урожайность» в только что вышедшем томе «Большой Советской Энциклопедии», то там мы найдем точные цифры урожайности капиталистических государств, а в отношении Советского Союза сказано лишь, что, согласно директивам XX съезда, намечено повысить в ближайшие годы валовой сбор до 11 миллионов пудов.

Но не следует думать, что только для зерновых культур мы имеем падение урожайности. Отвратительно обстоит дело с плодовыми насаждениями. В сентябре 1956 года мне пришлось после долгого перерыва посетить Южный берег Крыма. Даже в «Курортную газету» проникают сведения об упадке таких старинных крымских культур, как инжир, маслина, миндаль, лавр и др. Виноград в Крыму деградировал: даже лучшие сорта ухудшились; как мне сказал один знакомый человек — под влиянием неумелой культуры. Отчего все это? Старались преобразовать природу: насаждали цитрусовые, хотя знающие люди ясно сознавали, что Крым для цитрусовых непригоден. Сейчас после огромных, совершенно бессмысленных затрат признали ошибку.

Ульяновск когда-то славился своими плодовыми садами и вывозил прекрасные яблоки в другие губернии. Сейчас ульяновцы могут покупать яблоки и другие фрукты по высокой цене (импортные) из наших южных республик: Грузии, Армении, Азербайджана, Узбекистана; в тех республиках еще не успели «преобразовать природу», хотя даже в Грузии виноделию и садоводству был нанесен существенный ущерб (см. газ. «Правда» от 26 ноября 1956 г. о пленуме ЦК КП Грузии).

Картина нашего сельского хозяйства немногим лучше той картины, которая была нарисована для рыбного хозяйства, напр. в статье В. Овечкина «Писатели и читатели» («Лит. газета» от 2 октября 1956 г.). Большой урожай 1956 года получен не за счет повышения культуры сельского хозяйства, его интенсификации, а за счет грандиозного увеличения посевных площадей.

Но сейчас, говорят, это все дело прошлого, ошибки исправляются. Уже статья В. Овечкина показывает свободу критики наших недостатков.

Может быть, уже осуществлена свобода научной печати по агрономии? Некоторый прогресс, конечно, есть. Большинство вздорных или необоснованных предложений после упорной борьбы снято, но последнее «достижение» Лысенко — органоминеральные смеси, несмотря на серьезную критику знатоков этого дела и на совершенную бездоказательность и методическую устарелость приводимых Лысенко данных, по-прежнему пользуется поддержкой, и статьи, основательно критикующие не только теоретическую, но и практическую сторону дела, даже на страницы научных органов не пропускаются. И неудивительно: в ВАСХНИЛ по-прежнему господствует Лысенко и его сторонники (Лобанов, Ольшанский и др.). Лысенко только переместился с кресла президента на кресло члена Президиума, и в Академии наук СССР ряд руководящих работников покровительствует этому совершенному банкроту в области науки.

Многомиллиардные убытки, причиненные деятельностью Лысенко, скрываются, те самые лица, которые довели до резкого снижения урожая наших полей, садов и виноградников, остаются не только безнаказанными, но продолжают руководить делом и всячески препятствовать продвижению новых приемов. А когда это становится уже невозможным, как с гибридными семенами кукурузы, то тот же Лысенко на ответственном выступлении на XX съезде КПСС находит наглость утверждать, что это соответствует принципам мичуринской биологии.

«Но при чем же тут философия?» — спросит неосведомленный читатель. А вот при чем. Главным аргументом против настоящей, научной менделистской генетики являлось то, что она связана с идеализмом. Так и сказано в докладе Лысенко, одобренном ЦК Коммунистической партии (Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ. 1948 г., с. 14): «Истинную идеологическую подоплеку морганистской генетики хорошо (невзначай для наших морганистов) вскрыл физик Э. Шредингер. В своей книге „Что такое жизнь с точки зрения физики?“, одобрительно излагая хромосомную вейсманистскую теорию, он пришел к ряду философских выводов. Вот основной из них: „...личная индивидуальная душа равна вездесущей, всепостигающей, вечной душе“. Это свое главное заключение Шредингер считает „...наибольшим из того, что может дать биолог, пытающийся одним ударом доказать и существование бога и бессмертие души“».

Логика Лысенко и его последователей и покровителей очевидна: а) некоторые лица, сочувствующие менделизму, договорились до бога, следовательно, весь менделизм надо отвергнуть с порога (непонятно, почему не отвергли с порога все физические работы идеалистов Эйнштейна, Шредингера, Гейзенберга и других); б) все практические предложения менделистов-морганистов не могут быть реальными, так как они основаны на идеалистической теории и, вероятно, просто являются рекламными трюками. Так и рассуждает лысенковец Фейгенсон (в полном согласии с самим Лысенко) о гибридных семенах кукурузы (там же, с. 316): «Морганисты предложили лишь сложные технические приемы получения таких семян кукурузы (предварительное самоопыление и отбор самоопыленных линий), сильно затрудняющие массовое их использование. Это служит, очевидно, для обеспечения интересов капиталистических семенных фирм, так как рядовым фермерам в капиталистических странах предложенные морганистами приемы недоступны».

Сейчас «предложения морганистами приемы» оказались настолько эффективными, что их усиленно внедряют и в Советском Союзе (см., напр., о Всесоюзном совещании по производству гибридных семян кукурузы, состоявшемся в Одессе ([газ.] «Правда», 4 февраля 1957 года), на котором о лысенковщине уже ничего не говорится).

Сейчас совершенно ясен полный провал позорнейшей для нашей страны сессии ВАСХНИЛ 1948 года, а все-таки министр сельского хозяйства СССР

В. В. Мацкевич находит возможным в докладе на Всесоюзном совещании заявить: «Академия (ВАСХНИЛ) сыграла большую роль в борьбе за победу материалистического направления в с/х науке. Ею разработаны новые теоретические положения биологии» (газ. «Сельское хозяйство», № 144 от 23 июня 1956 г.).

И в постановлении Совета Министров СССР о работе ВАСХНИЛ говорится о необходимости и впредь вести непримиримую борьбу против идеалистических, вульгарно-механистических и лженаучных взглядов в биологической и сельскохозяйственной науке. Вот и разберись: 1) совершенно ясно, что «теории» Лысенко и Лепешинской это и есть самая подлинная лженаука; 2) но взгляды Лысенко были одобрены как материалистические, ошибка в отношении сессии ВАСХНИЛ не признана, и эта сессия, как и все постановления по идеологическим вопросам времен 1946—1952 года, признается непогрешимой.

Дорого обошлась русскому народу эта борьба за «цельное научное миропонимание» и принесет вреда еще больше, если вовремя не поймут, что справедливый диалектический лозунг: «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики» распространяется также и на философию. Нам нечего кичиться нашим превосходством перед Западом в единстве нашего мировоззрения. Это возрожденный «квасной патриотизм» старых славянофилов: «Европа зависть к нам питает».

На Западе, по мнению наших советских славянофилов, в области культуры: озорство, путаница, мракобесие. На самом деле (дело касается, конечно, вершин западной культуры, а не идеологических мусорных ям): подлинное отсутствие догматизма, полное преодоление культа личности даже в отношении самых великих, самых уважаемых мыслителей.

У нас на словах: полная свобода прогрессивной мысли, мы боремся только с отбросами мысли, догматизмом, начетничеством, культом личности. На самом деле: отбросы мысли, вынесенные приказом Сталина на вершину, до сих пор не вычищены метлой, ученым диктуют, как им надо решать научные проблемы, культ личности сохранился полностью, изменились только объекты культа.

Из письма к И. Г. Эренбургу (1957 г.)

...Чем же объяснить такое явление? Почему такая заботливость об охране Лысенко и его сторонников, деятельность которых принесла колоссальный вред не только науке, но и нашему сельскому хозяйству? Боязнь «реваншизма»: руководящие круги полагают, что в деятельности Лысенко есть положительные стороны и из-за них надо сохранить это «направление» и амнистировать его за огромные, допущенные им и для всех ясные ошибки. Если же предоставить свободу научной дискуссии, то от лысенковщины останется вообще только грязное пятно на истории советской культуры, исчезнут вместе с тем и «положительные» стороны лысенковщины, которые, по мнению руководства, заключаются в успешной борьбе с идеализмом. И вот тут мы и подходим к вопросу: являются ли агрономия и биология исключением на фоне процветания советской культуры или и за пределами этих наук далеко не все благополучно. И так как Вы, как Вы сами пишете, имели беседу с многими крупными учеными Запада и лучше чем кто-либо в Советском Союзе знакомы с современной западной литературой, то Вы не можете не знать, что на Западе давно уже четко проводят различие между двумя категориями советских наук: счастливыми и несчастными. К счастливым относятся точные науки: математика, физика, астрономия, химия, до известной степени геология: здесь успехи решительно никем не отрицаются. К несчастным, кроме биологии, относятся: экономические науки, философия, история и другие гуманитарные науки. Конечно, и там есть отдельные блестящие достижения, например в области истории нашей материальной культуры: рас-

копки наших археологов в Средней Азии, Новгороде и других местах дали чрезвычайно ценные результаты. Промежуточное положение занимает медицина. В несчастных науках мы имеем в лучшем случае топтание на месте в смысле теоретических построений, а большей частью в смысле теории — совершенной застой или даже маразм, как в нашей философии. Печальное положение нашей философии отмечено и на XX съезде, но, однако, многие литераторы продолжают кичиться особенным преимуществом нашей философии. По этому поводу я написал в «Литературную газету» письмо «Философы из "Литературной газеты"», которое ожидает, очевидно, та же судьба, как и другие мои писания.

Чем же объяснить такое различие в судьбе разных наук? Стремление задержать развитие наук? Это обвинение вряд ли можно поддержать. Я убежден, что, например, Сталин, многие ошибки которого были вскрыты на XX съезде, искренне стремился помочь развитию наук, и если результат нередко оказывался противоположным этому благородному намерению, то только потому, что не всякая искренне оказываемая помощь бывает полезна: вспомним известную басню Крылова.

Но если всем наукам стремились помочь, то почему столь различен результат у разных наук? Это объясняется спецификой наук. *Точные науки обладают двумя признаками: 1) они очень трудны для усвоения; 2) их польза ясна даже для неграмотного человека.* В самом деле, для того чтобы отличить хороший радиоприемник от плохого, достаточно повернуть ручку: из хорошего приемника мы услышим превосходные разнообразные звуки, а из плохого услышим хрипение или ничего не услышим. А вот для того чтобы построить приемник или исправить его, тут уж требуется квалификация. Вот с точными науками и получилось, что их пытались «настраивать» по-своему: наши философы доказывали «реакционность» и связь с идеализмом теории относительности, квантовой теории Бора и Гейзенберга, кибернетики и проч. и *во всех случаях* потерпели фиаско. Решительно никакой пользы вмешательство философов в точные науки не принесло, только в ряде случаев задержало развитие нашей науки и техники, так как Вы хорошо знаете, что прогресс точных наук и техники немислим без огромных затрат. Сейчас, насколько мне известно, физикам и математикам философы не мешают, даже публикуют идеологически весьма невыдержанные произведения крупнейших физиков Эйнштейна и Гейзенберга. Почему же философы продолжают мешать развитию несчастных наук? По той простой причине, что эта категория наук обладает свойствами прямо противоположными, характерными для точных наук: 1) *они, как правило, не обнаруживают существенных трудностей для понимания;* 2) *даже у наук, имеющих отношение к практике, ошибка в теории сказывается не скоро, и потому довольно долгое время может быть незамечена или легко скрываемая.*

Можно бы не останавливаться на этих пунктах, но есть люди, склонные утверждать, что все науки более или менее одинаково трудны. Вы, кажется, не работали в высшей школе, а мне, старому профессору, хорошо известны такие случаи. Обнаруживается, что на физико-математическом факультете успеваемость гораздо ниже, чем на других, и декан факультета естественно объясняет это большей трудностью наук: это неизменно встречает (или по крайней мере встречало) резкое возражение директоров или завучей, что нечего ссылаться на специфику наук, сами виноваты. Но всякий, кто пытался читать разнообразную научную литературу, прекрасно знает, что не имеющий специальной подготовки просто ничего не поймет в научных работах по физике и математике, а для того чтобы разобраться в работах по истории, литературоведению, педагогике и советской философии, не требуется никакой специальной подготовки.

Биология, как чистая, так и прикладная, занимает промежуточное положение. В нее проникают в разных местах математические, физические и химические методы, и многие современные биологические работы для неспециалистов недоступ-

ны. Но есть обширнейшие области биологии, легко поддающиеся популяризации. То же и в отношении ее прикладного значения: есть области, имеющие исключительно высокое практическое значение, прежде всего в медицине, а есть области, не имеющие никакого или весьма слабое отношение к практике; есть, наконец, такие, где связь с практикой только намечается или оспаривается. И в этот переходный период естественно происходит борьба между подлинными новаторами (не в смысле Лысенко и Лепешинской) и консерваторами: консерваторы часто справедливо указывают на эффективность классических методов и вместе с тем большей частью просто не могут понять новых направлений в силу их большей трудности. Вот тут-то и всплывают «новаторы» типа Лысенко, предлагающие такие «теории», которые отличаются сразу тремя достоинствами: 1) они не требуют никаких усилий для своего понимания; 2) они как будто связаны с огромными практическими достижениями; 3) своих противников они «изобличают» в приверженности к буржуазной идеологии, прежде всего идеализму. Вот причина успеха Лысенко. За ним потянулись Лепешинская и Бошнян, но с последним вскоре вышла неудача: он попытался связаться с практической медициной, но медицина сейчас уже достигла такого уровня, что шарлатанство изобличается довольно быстро. Не то с агрономией. Ведь «опытными полями» Лысенко были огромные просторы нашей республики, а попробуй подсчитать урожай в нашей стране. Спросите кого угодно, какова средняя урожайность зерновых за тот или иной год: никто этого не скажет, так как эти цифры пока засекречены, но на основании ряда данных можно сказать определенно, что она не выше 7—8 центнеров на га, а когда наша агрономия была в «менделистских» руках Н. И. Вавилова, уже был достигнут урожай не менее 10 центнеров.

Убытки, материальные и моральные, причиненные лысенковщиной, поистине колоссальны, и вместе с тем все ему прощается из-за «заслуг» в области философии — борьбе с идеализмом. Да где же этот идеализм? Прочтите статью охаяного философом Митиным на сессии ВАСХНИЛ нашего выдающегося генетика Н. П. Дубинина в журнале «Биофизика» (за 1956 г., вып. 8) «Проблемы физических и химических основ наследственности». Отыщите там идеализм. Ни следа Вы не найдете, как не найдете и следа всей мичуринской генетики. А менделизм по-прежнему считается идеализмом, по-прежнему в вузах преподается мичуринская генетика. Так почему же статью Дубинина напечатали? Как пропустили это наши подкованные цензоры и редакторы? Для понимания этого прочтите статью того же Дубинина в первом номере Ботанического журнала за 1957 год. Потому что в борьбе с идеализмом мы в практической селекции отстали от «гниющего» Запада.

Лысенко объявил рентгеноселекцию как «непрогрессивный» путь, а с помощью этого «непрогрессивного» пути американцы так повысили эффективность пенициллина, что сделали ценнейший, но дорогой препарат общедоступным. Есть и ряд других выдающихся достижений, но одного пенициллина достаточно, чтобы утверждать, что лица, защищающие сейчас ценность сессии ВАСХНИЛ 1948 года, задержавшей развитие нашей селекции, блестяще развивавшейся при Н. И. Вавиллове, уподобляются известному персонажу другой крыловской басни.

Вот и получилась сейчас полная неразбериха. Что прогрессивное, а что непрогрессивное? Казалось ясен простой вывод: очевидно, что наша советская философия решительно ни на что негодна, кроме как на то, чтобы облаивать и тормозить выдающиеся научные достижения, но, однако, наши философы ни малейшего ущерба не понесли. Чем же это объясняется? Да своеобразным пониманием незыблемости марксизма-ленинизма. Так как марксизм-ленинизм связан с материалистической философией и так как эта философия на Западе не пользуется популярностью, то, значит, борьба с идеализмом есть одна из основных задач коммунистического руководства. Но здесь так много явно напутано и за материализм выдано то, что не является ни материализмом, ни иде-

ализмом, а является сплошным невежеством в философии и полным шарлатанством в науке. Но кто же в этом разберется? Предоставить свободу дискуссии, как бы не вышло плохо. Устоят ли наши философы, воспитанные в сталинской тепличной атмосфере, от натисков неоднократно сокрушительно разгромленных, но все же существующих идеалистов? Лучше поручить самим философам исправиться и вывести философию на творческий путь с полным преодолением начетничества и догматизма и, однако, с соблюдением незыблемых основ. А пока пусть все остается по-прежнему, и далеко не бесполезным, но подозрительным по идеологии менделистам и другим -истам полной свободы пока давать не следует. Пусть они работают, но только под строгим руководством философов; это особенно касается, конечно, популярной литературы. Сюда даже умеренная критика Лысенко вовсе не допускается. Зам. редактора журнала «Природа» до сего времени состоит Д. Трошин, в отношении которого, как и по поводу других «руководящих» философов, можно опять вспомнить И. А. Крылова:

...они немножечко дерут,
Зато уж в рот хмельного не берут
И все с прекрасным поведением.

Можно резюмировать так историю советской науки. Примерно до 1935—1938 года не было существенной разницы в судьбе счастливых и несчастных наук: все развивались хорошо и были достигнуты весьма значительные успехи. После этого наступило время идеологического подковывания наук, и от такого подковывания несчастные науки захромали на все четыре ноги. Но колоссальный прогресс точных наук, осуществленный главным образом идеологически плохо подкованными учеными, заставил приостановить процесс перековки. А так как сохранились еще блестящие кадры физиков, математиков, химиков и т. д., мы сумели довольно быстро наверстать упущенное и в общем на этом фронте мы занимаем хорошее положение. По некоторым разделам советская наука занимает даже ведущее положение в мировой науке, но в целом считать даже наши точные науки обогнавшими западные, конечно, невозможно.